

Институциональная экономика: развитие, преподавание, приложения

С позиции формирования институциональной структуры рынка адекватной задачам модернизации российской экономики следует отметить, что дальнейшие концентрация капитала в отдельных отраслях и их монополизация необходимы, так как модернизационный рывок не может быть осуществлен на базе малого или среднего бизнеса. Опыт проведения всех предшествующих модернизаций свидетельствует, что цели модернизации могут быть достигнуты лишь при мобилизации всего производственного, научного и финансового потенциала. При этом если одной из целей модернизации является выход российской продукции на внешние рынки, в настоящее время жестко разделенные между транснациональными корпорациями, то такое экономическое соперничество возможно лишь при наличии значительного объема привлеченных ресурсов, технологических, производственных, потребительских преимуществ, долгосрочной финансовой базы и централизации капиталов, а наиболее приемлемой институциональной формой для этого является акционерное общество, которое, для придания ему дополнительных конкурентных преимуществ, можно сделать монополией. Однако с позиции модернизационного проекта неформальная экономика сочетает в себе положительные и отрицательные качества. К первым следует отнести абсорбирование определенной части трудоспособного населения, оказавшегося незадействованным при проведении модернизации, генерацию дополнительных доходов граждан в случае временного снижения уровня жизни, производство продукции, необходимой для удовлетворения материальных и социальных потребностей населения. Отрицательных сторон неформальной экономики существенно больше, главные из них – недополучение доходов бюджетами всех уровней, несоблюдение норм социально-трудовых отношений, исключение из финансово-хозяйственной деятельности механизмов социального страхования и обеспечения. Отсюда вывод: модернизационный проект должен сопровождаться борьбой с неформальной экономикой. В неформальной экономике необходимо выделять два сектора: криминальный и «серый». Первый основан на умышленном несоблюдении норм уголовного права. «Серая» экономика – это совершение сделок вне рамок гражданского, административного, трудового, налогового законодательства, привнесение в экономические отношения коррупционных механизмов, нарушение прав и законных интересов других экономических субъектов.

С.В. Степаненко

канд. экон. наук, проф.
(КНЭУ, г. Киев)

ЗНАЧИМОСТЬ И ОГРАНИЧЕННОСТЬ МЕТАФОР НЕОИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Значимость метафоры заключается в том, что она способствует преодолению чрезмерной абстрактности и частичности знаний, позволяет отобразить разные уровни исследуемого объекта, ориентирует на его целостные характеристики. Это достигается путем выбора чувственно-конкретного предмета в качестве некоего образа, имеющего идентичные черты с объектом познания. При этом ключевое значение имеет сходство исследуемого объекта с образом, способность последнего отобразить сущностные качества первого, обоснованность их перенесения на образ. От реалистичности метафоры, ее

способности охватить типичное в исследуемом объекте зависит познавательный и поясняющий потенциал метафоры.

Особое значение имеют метафоры, используемые в методологических целях. Не случайно в некоторых учебных пособиях по институциональной экономике изложение материала начинается с обстоятельного анализа метафор для характеристики исходных позиций. Так, базовое определение экономического института излагается при помощи метафоры игры, в которой некие игроки (экономические субъекты) действуют по установленным правилам (институтам). Важную роль в неoinституционализме играют также метафоры: «дилемма заключенных», «проблема безбилетника», «потрава поля», «два пулеметчика» и др.

Перечисленные метафоры, действительно, отображают некоторые аспекты взаимодействия экономических субъектов, когда, например, правила игры используются в качестве средства организации действий игроков, а поведение заключенного – для характеристики способов достижения индивидуальных целей. Однако эти метафоры не представляют сущностных моментов экономического взаимодействия и потому имеют небольшое значение при иллюстрации действия экономических институтов, будучи лишь внешне похожими на них.

Так, правила (ограничения и механизм, обеспечивающий их исполнение) характеризуют условия игры, дают представление о целях игры, служат в качестве средства, объединяющего игроков. Поэтому метафора игры в лучшем случае может использоваться для характеристики объекта исследования, его целостности, каждый из которых имеет свои особенности, подобно тому как различаются игры. В то же время правила игры не несут информации о том, как команды организуют взаимодействие игроков, какие построения и тактические приемы используются в каждой игре. Неизменность правил не позволяет выразить постоянное изменение условий взаимодействия экономических субъектов, необходимость координации и регулирования их активности, а ведь это является одной из ключевых задач институтов.

Организация взаимодействия экономических субъектов включает рассмотрение и учет их целей. Правила в лучшем случае предполагают единственную цель – победить в игре – и не содержат целей индивидуальных, коллективных и общих для всех игроков. Сведение всей совокупности целей взаимодействующих экономических субъектов к единой цели – добиться выигрыша у партнера, придает их связям трофический характер, форму цепочки поедания. В данном случае не остается места для повторения актов взаимодействия экономических субъектов, так как проигравший выбывает из игры. К тому же подобные представления о цели взаимодействия противоречат фундаментальному принципу рыночной экономики – эквивалентности обмена, достижению Парето-оптимума или получению общественной синергии, возникающей в результате таких взаимодействий. Использование метафоры правил игры во многом обедняет представления о реальном процессе взаимодействия экономических субъектов, делает их поверхностными.

Неоправданным, с нашей точки зрения, является сведение механизма обеспечения исполнения правил и норм к санкциям, которые рассматриваются в качестве достаточного условия существования института. Как отмечает М.И. Одинова, самым лучшим и достаточным свидетельством существования института будет регулярное применение санкций по отношению к тем лицам, которые нарушают правила [2]. Ведь если субъекты не нарушают правил, то получается, что их взаимодействие осуществляется вне рамок соответствующего экономического института. В этом случае остаются без внимания ключевые моменты их взаимодействий – координация, регулирование, стимулирование

активности, и они вовсе не опираются на санкции. Сведение всех присущих институту организационных средств к санкциям придает механизму его действия конфликтный характер, априори предполагая наличие антагонизма между индивидуальными, коллективными и общими (общественными) целями. Не отрицая различий между ними, мы исходим из необходимости и возможности их рационального согласования в современном обществе, что является решающим условием достижения целостности хозяйственной системы и исключительной роли экономических институтов в ее достижении. В механизм действия институтов целесообразно включить экономические субъекты, которые преследуют индивидуальные, коллективные и общие цели; санкции за действия, противоречащие коллективным и общественным целям; средства координации, регулирования и стимулирования активности.

Придание целям экономических субъектов антагонистической направленности обусловлено абсолютизацией принципа методологического индивидуализма и представляется как его эгоистическое и рациональное поведение. Не случайно мейнстрим исключает цели субъектов из круга изучаемых проблем, а стоящий на его методологических позициях неонституционализм реализует неоклассическое понимание сущности и роли целей в экономическом анализе. Вообще процесс формирования и изменения целей, — пишет В. С. Автономов, — не входит в сферу явлений, которые изучаются экономической наукой [3]. Одним из подтверждений этого является практика использования неонституционализмом уже приведенных выше метафор (условных ситуаций) — «дилемма заключенных», «потрава поля», «два пулеметчика», которые могут служить, скорее, кейс-приложениями к уголовному кодексу, чем средством познания типов и форм взаимодействия экономических субъектов.

Оставим без комментариев общую характеристику ситуации «дилемма заключенных» (содержащей явные противоречия и неувязки), где речь должна вестись о задержанных (подозреваемых), а не о заключенных; о доказательстве вины подозреваемого исходя из презумпции невиновности, а не о стратегиях его поведения, направленного на уход от ответственности; о неправомерности смещения двух правонарушений (ограбление и ношение оружия) и использовании одного из них в качестве средства влияния на подозреваемого; о взаимодействии подозреваемого и следователя, а не о взаимодействии между двумя подозреваемыми, направленном на смягчение вины или уход от ответственности за недоказанное правонарушение; об установлении истины как цели следствия, а не о принуждении задержанного к добровольному признанию. Уязвимость для критики ситуации «дилемма заключенных», ее нереалистичность, отсутствие постановки действительных проблем взаимодействия субъектов вызывают недоверие к выводам, вытекающим из представленного анализа.

Неправомерность использования данной метафоры для характеристики типов и форм взаимодействия экономических субъектов обусловлена тем, что в ней не отображены сущностные моменты институционального анализа экономических процессов. *Во-первых*, взаимодействующие субъекты (задержанные и следователь) не имеют статуса свободных и равноправных агентов, действующих ради достижения индивидуальных, коллективных и общественных целей. *Во-вторых*, отсутствует объединяющая всех участников взаимодействия цель, которая решающим образом влияет на их поведение. Такой целью может стать установление истины и на этой основе достижение неотвратимости справедливого наказания. *В-третьих*, в ситуации «дилемма заключенных» не раскрывается характер взаимодействия субъектов (принуждение, сотрудничество), что имеет принципиальное значение для

определения его типа и формы. Поэтому «дилемма заключенных» и подобные метафоры не отвечают своему предназначению, фактически уводя от анализа сути проблемы, и не могут использоваться для познавательных и поясняющих целей.

Употребление институциональной экономикой более приемлемых метафор диктует необходимость решения ряда сложных методологических и теоретических проблем. Прежде всего речь идет о преодолении узких рамок позитивистских подходов, приведших к кризису неоклассическую экономическую теорию, о более широком применении принципов цивилизационного анализа общественных процессов в целом и хозяйственной системы в частности. Это открывает возможность для целостного рассмотрения общественных систем, получения комплексных (разноуровневых) знаний и поиска адекватных метафор для их наглядного отображения.

Одной из таких метафор, более реалистично отображающих сложные процессы организации взаимодействия экономических субъектов, может стать метафора организации движения на перекрестке с использованием дорожной развязки, вертикальной и горизонтальной разметки, реверсных полос, различных знаков, указателей скорости и др. Она позволяет воспроизвести ключевые характеристики организационной роли экономических институтов, т.е. учесть: многообразные цели субъектов, выраженные в различных направлениях движения каждого участника; их коллективную цель – скорейший проезд перекрестка; общую цель, состоящую в обеспечении безопасности движения и минимизации общего времени проезда перекрестка (высокая пропускная способность дорожной развязки); равноправность участников движения; обеспечение Парето-оптимума путем организации движения по той части развязки, которая уводит движение вправо с последующим разворотом для беспрепятственного проезда влево; оперативное регулирование скорости проезда перекрестка в зависимости от плотности потока движения; наличие знаков, разметки, позволяющих координировать движение (согласовывать действия).

Познавательное значение приведенной метафоры заключается в том, что она наглядно воссоздает не только объект институционального анализа – сложную открытую, постоянно изменяющуюся систему, но и важные составляющие, подлежащие сознательной организации. Институт, как средство организации хозяйственной системы, включает в себя различные субъекты и всю иерархию их целей; предполагает наличие структуры и связей между ее уровнями; институций, обеспечивающих координацию, регулирование действий и стимулирование активности субъектов; верховную власть, реализующую общественные цели и выступающую организационным центром взаимодействия субъектов. Носителем верховной власти выступает государство, которое формирует экономические институты и придает им силы, обеспечивающие влияние на субъекты и направляющие их активность в определенное русло.

Приведенная метафора организации движения на перекрестке с использованием дорожной развязки также имеет определенные рамки применения. Однако она позволяет наглядно представить всю необходимость и всю сложность экономических институтов, постоянно растущее их значение для последовательного и неуклонного вытеснения стихии из хозяйственной жизни, путь преодоления дилеммы «план или рынок» и убедиться в неизбежности поиска средств сознательной организации взаимодействия экономических субъектов.

Литература

1. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа / Д. Норт // Вопросы экономики. 1997. № 3, с. 6-17.

2. Одинцова М. И. Институциональная экономика / М.И. Одинцова ; Гос. ун-т – Высш. шк. экономики. – 3 изд. – М.: Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2009. – С. 16.

3. Автономов В. С. Модель человека в экономической науке и других социальных науках / В.С. Автономов // Истоки. 2001. № 3, с. 30.

И.В. Сухинин

канд. экон. наук, доц.
(ГУУ, г. Москва)

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ И СВОЙСТВАМ СТРУКТУР ОБЩЕСТВА

Теория социальных структур получила свое развитие в современной социологии. Сам термин «социальная структура» вошел в научный оборот в связи с развитием в европейской социологии и культурологи структурного направления (Э. Дюркгейм, Б. Малиновский, А.Р. Рэдклифф-Браун, К. Леви-Строс, Т. Парсонс, Э. Гидденс и др.).

Как считает Гидденс, социальные структуры – более общие формы институтов, поскольку институты – это относительно долговечные системы правил, способные сформировать привычки и порождающие воспроизводство индивидуального действия с помощью механизма нисходящей причинной обусловленности [1]. На отвлеченном уровне «структура» может быть представлена в виде двух аспектов правил: нормативных элементов, структурирующих каждодневный дискурс, и взаимных пониманий действий как «значимых» для участников взаимодействий, то есть санкционирующих способов социального поведения.

Согласно позиции социолога М. Руткевича [2] социальная структура как совокупность отношений между людьми раскрывает, «каким образом в результате сознательной (или неосознанной, но так или иначе содержащей психическую мотивацию) деятельности индивидов и групп воспроизводится сеть общественных отношений и как важнейшая ее составляющая – не зависящие от воли людей правила поведения и социальные нормы – прямо или опосредованно осознаются и определяют мотивы поведения людей». Как считает Г. Силласте: «... в целом социальная структура обеспечивает определенную устойчивость общества и функционирования, развития всех его взаимосвязанных социальных элементов (групп, общностей, слоев, институтов)» [3]. Определяющим фактором развития социальной структуры являются потребности и интересы этих социальных общностей, групп, слоев населения.

Как считают Б. и Г. Ракитские, социальная структура как структура общества есть, в конечном счёте, его субъектная структура. Реальные субъекты общественного действия являются движущими силами общества. Взаимодействие этих сил и обеспечивает внутреннее единство общества. [4]

Социальная структура состоит из множества социальных групп. Отсюда социальную структуру можно рассматривать набором статусных групп и общностей. Группы образуют социальную организацию, в том числе определенную систему отношений, объединяющей людей для достижения поставленных целей. Г. Таджфел отмечал, что «стремление принадлежать к группе является фундаментальным свойством человеческой натуры» [3].